

С

На правах рукописи

БЫЧКОВ Дмитрий Геннадьевич

**МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОЙ ИДЕОЛОГИИ
АГЕНТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ**

Специальность 22.00.06 - социология культуры,
духовной жизни

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Саратов 2005

Диссертация выполнена в Алтайском государственном университете

Научный руководитель - доктор социологических наук, профессор
Демина Людмила Денисовна

Официальные оппоненты - доктор философских наук, профессор
Михель Дмитрий Викторович
кандидат социологических наук, доцент
Ловцова Наталия Игоревна

Ведущая организация - Красноярский государственный
университет

Защита состоится 17 марта 2005 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.242.03 при Саратовском государственном техническом университете по адресу: 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77, Саратовский государственный технический университет, корп. 1, ауд. 319.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке Саратовского государственного технического университета.

Автореферат разослан 16 февраля 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

В. В. Печенкин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Традиционно формирование личности рассматривается как результат отношений, которые определяются прежде всего семейным воспитанием и деятельностью таких агентов общественной социализации, как образование и средства информации, воспитательные функции которых разнесены во времени, где на первоначальном этапе ведущая роль принадлежит семье, а в последующем - образованию и массмедиа. Данное же исследование обращено к социализации, которая не опосредствована семейными отношениями, а определяется преимущественно средой общественного воспитания. Очевидно, что задача образования в этом случае состоит не только в том, что оно наряду со СМИ по традиции производит и распространяет знания о семье, интерпретирует ее отношения и вырабатывает приемлемые формы передачи навыков молодому поколению, но и в том, что педагоги учреждений общественного воспитания сами участвуют в построении отношений, замещающих семейное общение.

В обществоведческих дискуссиях по вопросу социализации молодежи и содержания воспитания, происходящих на фоне смены социального строя и культурного уклада российского общества последних полутора-двух десятилетий, отмечается все возрастающая в современном обществе роль образования и СМИ в развитии ребенка с самых ранних моментов его жизни. Вместе с тем сам факт дебатов отчетливо показывает, что нет универсальных и монолитных общественных ценностей, определяющих значение семейных отношений. Семейная модель агентов общественного воспитания имеет идеологический характер, поскольку их деятельность отражает часто несовпадающие и конкурирующие интересы разных социальных сил. Неминуемо возникающие разнотечения "общественно значимого" в деле воспитания продиктованы собственными, - например, политическими, экономическими, эстетическими - предпочтениями основных общественных групп. Как следствие острота и актуальность дискуссии о том, что и как воспитывать, зачастую заслоняет важный для социального анализа вопрос, вытекающий из признания роли идеологической подоплеки отношений воспитателей и конкурирующего характера их интересов: за счет чего обеспечивается приоритетное право того или иного агента социализации отвечать на эти "что" и "как"? Когда в анализе социализации акцент делается прежде всего на функциях агентов, на культурных нормах и социальных ролях, следуя которым личность получает те или иные общественно приемлемые качества и характеристики, на тех механизмах, которые являются наиболее эффективными в достижении этих целей, за скобками, как правило, остается вопрос о том, как именно сформировались эти цели, какие именно и чьи конкретно интересы лежат в их основании, будучи вольно или невольно скрытыми под имеющим налет идеологической нейтральности выражением "общественно значимые"; наконец, как сложившиеся между агентами общественного воспитания отношения проявляют себя в воспитательной практике.

Кроме того, привычная деятельность педагогов и журналистов определяет цели семейного воспитания "на глазок", а в результатах совместных воспитательных усилий семьи, СМИ и педагогики, проявленных в складывающихся чертах характера и поведении ребенка, трудно оценить конкрет-

ный вклад каждого из участников. Строго говоря, личность для общественных воспитателей является лишь конечной целью деятельности, сама же она направлена на среду, непосредственно формирующую ребенка: поскольку практика воспитания обычно определяется семейным окружением, то педагоги и журналисты создают и поддерживают их идеологический контекст, в частности, нормативно определяя то, какими должны быть отношения личности и семьи. В случае же с воспитанием ребенка преимущественно в учреждениях общественного воспитания, его личность является в том числе и объектом воспитательных практик, воплощающих семейную идеологию.

Проблема исследования, таким образом, определяется дискуссионным контекстом переопределения принципов, формирующих современную идеологию в отношении семьи; в частности, речь идет о разноточиях между целями семейного воспитания, как они видятся образованию и массмедиа, и практической реализацией этих воспитательных намерений, ограниченных собственными задачами и возможностями этих агентов воспитания. Актуальная потребность состоит в том, чтобы обнаружить те логические и практические основания, которые формируют такую семейную идеологию; проявить те способы, с помощью которых в ней преодолевается противоречие между традиционными функциями агентов воспитания и ролью заместителя семьи.

Степень разработанности проблемы. Личность является традиционным, но малоразработанным объектом социологического анализа в отечественных исследованиях. Наиболее широко в них представлен методологический подход, адаптирующий структурно-функциональную модель отношений личности и общества (А. Дроздов, И. Кон, Б. Парыгин) и системную (Н. Наумова, М. Слюсарянский, В. Ядов). В своих теоретических разработках современные последователи этих подходов следуют лежащему в их основе нормативному принципу, т. е. когда складывающиеся практики личности оцениваются с точки зрения степени их совпадения с заданной моделью поведения и отношений (А. Ковалева, М. Ромм), или дополняют компилятивным принципом, совмещая в изучении социализации традиционный макросоциологический анализ общественных сфер и институтов с психологическим (А. Асмолов, В. Коломиец, В. Немировский). Логика структурно-функционального анализа формирования личности широко прослеживается в обсуждениях деятельности того или иного агента социализации, представленных как в отраслевых исследованиях социологии (В. Закирова, О. Здравомыслова, К. Южанинов, А. Ковалева, А. Ослон), так и смежных с ней или междисциплинарных (Т. Науменко, Г. Почепцов, Г. Филиппова, А. Флиер).

Переосмысление гносеологических оснований теорий личности классической социологии стало возможно благодаря работам по социологии знания второй половины прошлого века, в которых авторы прослеживают социокультурные и политические механизмы производства и легитимации исторически конкретных форм представлений о человеке и обществе (Л. Алтынсер, П. Бурдье, Т. Кун, М. Фуко). В отечественном обществоведении оформился корпус текстов, авторы которых, следя выводам постструктураллистской критики, приводят аргументы в пользу переопределения принципов социального анализа и призывают к переосмысливанию методологических рамок, сложившихся в ходе адаптации западных социологических теорий прошедшей эпохи (А. Бикбов, С. Гавриленко, Ю. Качанов, Н. Козло-

ва, В. Козловский, Р. Шпакова). Так, в актуальном для диссертационного исследования контексте проблематизации семейной идеологии агентов общественного воспитания отметим работы С. Ушакина, Е. Ярской-Смирновой, в которых предпринята попытка критического анализа структурно-функциональной версии социологической концептуализации "семьи", "семейных отношений" и обсуждаются познавательные возможности новых направлений фамилистики.

Ключевой проблемой, трудноразрешимой в рамках традиционной социологической точки зрения, когда формирование личности сводится к производству и передаче человеку набора социальных ролей, общественных норм и шаблонов поведения, остаются процесс и результат восприятия и использования этого набора. Особенно это касается изучения таких ситуаций, когда обстоятельства жизни человека резко меняются или отличаются от привычных для большинства людей. Каким образом в своей личной жизни люди адаптируют внешние перемены, например, свое социальное исключение? Как возникают новые практики, помогающие личности соответствовать преходящим требованиям обстоятельств, сохраняя вместе с тем преемственность прошлому опыту? Постановка научной проблемы подобным образом востребовала в отечественных социологических исследованиях поиск теоретического и методического аппарата, способного обращаться за ответами к повседневной жизнедеятельности, к опыту ее осмыслиения, будь то молодые сельские мигранты периода советской индустриализации (Н. Козлова), российские семьи, члены которых ограничены в своих физических возможностях (Е. Ярская-Смирнова), наемные работники традиционных "мужских" или "женских" профессий, чей престиж в условиях нынешних экономических реформ оказался под вопросом (Е. Мещеркина, Е. Трубина).

Несмотря на теоретические, дисциплинарные или терминологические различия, эти и подобные исследования объединяет деятельностный принцип, лежащий в основе анализа отношений личности. Он сводится к тому, что личность существует и обнаруживает себя только в речевой деятельности, формами которой предопределены конкретными социокультурными условиями ее формирования, с одной стороны; с другой - именно общение и язык структурируют индивидуальный опыт, делая его доступным как для понимания, так и для выражения. Варианты прочтения этого принципа открываются отечественными учеными, как правило, в текстах современных западных социальных теоретиков - Х. Арендт, Дж. Батлер, П. Бурдье, Ж. Лакана, М. де Серто. Их теоретико-методологические новации в приложении к личности оказываются важны как переопределением ее становления и существования в терминах символических форм субъективации и идентичности (биография, письмо, рассказ), так и проблематизацией незаметного властного, идеологического контекста отношений, в которых они формируются (Л. Альтюссер, Дж. Батлер, С. Жижек, М. Фуко). В этой связи актуальными становятся исследования "среднего уровня", выполненные в социокультурном, антропологическом ключе, методически нацеленные на изучение повседневных индивидуальных и коллективных практик непосредственно в ходе общения исследователя с их участниками и свидетелями. Общетеоретические и общеметодические основания подхода даны в работах К. Гинзбурга, К. Гирца, К. Леви-Строса, М. Мосса, а его адаптация и развитие

в отечественной социальной науке представлены исследованиями Н. Козловой, П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. Назовем также авторов прикладных работ, в которых представлен этнографический материал, собранный в ходе изучения индивидуальных практик в молодежных субкультурах (С. Борисов, Е. Кулешов, С. Лойтер, М. Лурье, Е. Неелов).

Указанные выше обстоятельства развития отечественной социологии расширяют ее концептуальное и прикладное поле, но усилия, нацеленные на прояснение аксиологических и социологических оснований доминирующих исследовательских традиций личности, нельзя считать достаточными. Так, на наш взгляд, инновационный потенциал ряда работ отечественных ученых начала прошлого века по методологии социокультурного анализа (М. Бахтин, В. Волошинов, С. Рубинштейн) и их вклад в социологическую теорию остается недооцененным, хотя именно он оказал существенное воздействие на становление идей постструктурализма о знаковой природе формирования личности (Ю. Кристева, Ж. Деррида, Р. Барт). Кроме того, в новейший период отечественных социальных исследований появились публикации, в которых история жизни, изложенная в биографии, предстает как ключевая форма социального становления и существования индивидов и групп, в том числе семей (отметим сборники, посвященные результатам биографического метода, под редакцией В. Воронкова и Е. Здравомысловой, а также выпущенный Институтом социологии РАН "Судьбы людей: Россия XX век", работы М. Бургоса, Н. Веселковой, И. Разумовой, Е. Ярской-Смирновой), проводятся исследования, изучающие личные письменные материалы как форму индивидуализации формирующейся личностью новых для нее социальных практик (С. Борисов, М. Калашникова, Н. Козлова, О. Лекманов, В. Лурье), но отечественная традиция структурного анализа текста (Л. Выготский, В. Пропп, Б. Томашевский, Ю. Тынянов, Б. Успенский, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум) и его социологического прочтения не находит должного приложения и все еще остается недостаточно востребованной. Об этом, в частности, можно судить по характеру восприятия так называемых качественных методов анализа в академических дискуссиях и той системе аргументации, которую развертывают их участники (Г. Батыгин, С. Белановский, И. Девятко, В. Журавлев, О. Маслова): генетическая связь разработанного отечественным структурализмом метода анализа текста с современными нарративным и дискурсивным методами (Р. Барт, Х. Уайт, М. Фуко, У. Эко), как правило, не проясняется.

Теоретические и методологические основы исследования. Методологическая работа ориентирована на представления о личности как структурной позиции, формирование и проявление которой происходит в отношениях, чей социальный характер определяется их знаковым, символическим происхождением. Теоретически исследование опирается на идеи постструктурализма (М. Фуко, П. Бурдье, Ж. Лакан, Ю. Кристева), а также на генетически связанные с ним теоретические положения об идентичности, высказанные в психоаналитической теории (З. Фрейд) и в концепции объектных отношений (М. Кляйн, Ш. Ференци, Д. Винникот). Благодаря альтюссеровой проекции

аналитических положений Фрейда в социологии знания были реторетизированы отражательная природа и искажающая функция идеологии и подчеркнут воображаемый характер репрезентируемых ею отношений, выражаемых в практической деятельности институтов и индивидов.

Такое методологическое самоопределение предопределило выстраивание логики и организации работы, исходя из принципов социокультурного, антропологически ориентированного анализа. Методологическим основанием исследования проблематики личностного развития через формирование индивидуальных практик использования социально обусловленных форм устного и письменного языка является ряд текстов отечественных социальных ученых начала прошлого века (М. Бахтин, В. Волошинов, Л. Выготский, С. Рубинштейн).

Цель исследования - изучить формирование личности в отношениях, определяемых семейной идеологией и ее приложением в практике общественного воспитания.

Выдвижение данной цели обусловило постановку следующих **задач**:

- изучить доминирующие аналитические традиции исследований личности в отечественной социологии и проблематизировать воспроизведение их гносеологических оснований и границ;
- изучить модель семейных отношений личности агентов общественного воспитания и проблемы ее идеологического воспроизведения, а также адаптации в педагогической практике учреждений общественного воспитания;
- на основе теоретических положений психоанализа и концепции объективных отношений обосновать социологический статус индивидуальных механизмов, оформляющих деятельность личности в ходе ее становления;
- провести эмпирическое исследование процесса и результатов формирования личности на основе анализа индивидуальной деятельности воспитанников общественных учреждений на заключительном этапе социализации;
- изучить индивидуальные механизмы организации и выражения воспитанниками учреждений общественного воспитания личного и группового жизненного опыта и концептуализировать проблемы развития личности в условиях повседневной среды общественных учреждений.

Объект исследования - личность как объект идеологических отношений агентов общественного воспитания.

Предмет исследования - механизмы формирования индивидуальных практик личности в отношениях, определяемых общественным воспитанием.

Эмпирическую базу исследования составили 19 тематизированных неструктурированных устных интервью, 12 тематизированных структурированных письменных интервью и 20 личных неофициальных документов, собранных в 2002 г. в ходе общения с информантами - бывшими воспитанниками учреждений общественного воспитания во время их обучения в профессиональном училище (г. Барнаул); 3 тематизированных устных групповых интервью с 27 педагогическими работниками трех профучреждений Алтайского края (2002-2003 гг.), 64 письменных документа официального характера из личных дел воспитанников; публикации специализированных журналов семейной тематики, вышедших в 2000-2002 гг.; статистические данные регионального органа управления образованием, результаты нацио-

нальных репрезентативных опросов общественного мнения 1998-2004 гг., проведенных Фондом "Общественное мнение" (1500 и 2000 респондентов), Институтом социологии РАН (2004) и Институтом конкретных социальных исследований (1776).

Достоверность и обоснованность результатов диссертационной работы объясняются согласованностью ее теоретико-методологических основ, используемых положений о личности и ее структуре, агентах социализации и их функциях. Изучение семейной идеологии и механизмов формирования личности проведено на основе комплексного использования методов теоретического и эмпирического анализа, с адекватным цели и задачам работы применением известных результатов, полученных по данной проблематике социологией культуры, социологией знания, социологией личности, социальной теорией текста. Результаты работы получены автором лично на основе интерпретации с помощью качественных методов анализа текстов эмпирической базы исследования и контекстуализированы с доступными отечественными и зарубежными научными данными по проблемам развития личности и формированию институциональных отношений в современном обществе.

Научная новизна диссертационного исследования определяется следующими аспектами:

- изучены и детализированы проблемы использования структурно-функционального и системного подходов отечественной социологии к изучению формирования личности и дополнительно обоснованы познавательные возможности социокультурного подхода к изучению повседневной деятельности и индивидуальных практик;

- на анализе журналистских и педагогических публикаций, а также бесед с наставниками воспитанников рассмотрены механизмы формирования семейной идеологии агентов общественного воспитания и сформулированы проблемы воспроизведения модели семейной социализации в практике общественного воспитания;

- обоснован и реализован исследовательский подход к социологическому анализу механизмов формирования личности с использованием психоаналитического и социокультурного категориального и концептуального аппарата, благодаря чему самоидентификация и практики личности выпускников общественных учреждений рассмотрены без традиционных ограничений, накладываемых проблематизацией "сиротства" и "задержек развития";

- на основе анализа материалов интервью и личных документов описаны механизмы самоидентификации личности и формирования ее индивидуальных практик в ходе общественного воспитания, проанализированы проблемы восприятия и адаптации в индивидуальной деятельности воспитанников модели поведения, предлагаемой наставниками учреждений;

- практика формирования личности рассмотрена через анализ индивидуальной письменной деятельности, раскрыты ее заместительная идентификационная функция и статус неформального института самосоциализации личности в учреждениях общественного воспитания.

В ходе проведения теоретического и прикладного социологического исследования получены следующие основные результаты, формулируемые автором диссертации как **положения, выносимые на защиту:**

1. Структурно-функциональная модель личности отечественных социологических исследований акцентирует ценностно-регулятивный статус норм и ролей и акцептивные качества индивида в процессе социализации. Ограниченные возможности такого подхода в локализации и анализе феноменов формирования личности в специфических условиях первичного внесемейного воспитания вызваны внешними - историческими - и внутренними - гносеологическими - причинами, оформлявшими данную исследовательскую традицию. Хотя доминирующие метафоры данной модели - "внешняя среда" и "внутренний мир" индивида - и сопутствующая риторика "автономности" и "самодостаточности" личности обеспечивали в прошлом необходимый ученым общественно-политический резонанс, указывая потенциально возможный и желательный путь развития советского общества, аналитические процедуры, с помощью которых выстроены ключевые категории "роль", "система", "личность", исключают такие явления, как "детство" или "сиротство", а исследовательские практики - изучение процесса и результата индивидуальной адаптации ребенком к себе предлагаемых агентами воспитания моделей поведения.

2. Семейная идеология агентов общественного воспитания - специализированной прессы и традиционной педагогики, - как результат развития их межинституциональных отношений, отражает в себе конкурирующий характер представлений о роли семьи для личности. Стратегия презентации семейных отношений личности специализированной прессой и традиционной педагогикой представляет эти отношения как исторически неизменные и политически благополучные, что помогает агентам общественного воспитания успешно конкурировать в деле определения целей семейного воспитания и выражения его результатов и тем самым легитимировать собственный общественный статус и воспитательную эффективность.

3. Репрезентации семьи в журналистской и педагогической просемейной риторике базируются на пространственных метафорах, которые задействуют показательные аспекты процесса означивания и обнаруживают в себе идентификационные механизмы идеализации и расщепления. Противопоставление с их помощью публичных отношений личности приватным, как "внешних" соответственно "внутренним", отражает неустойчивость позиции, которую занимает субъект в ходе такой идентификации. Акцент семейной прессы на исторических или географически внешних формах отношений не столько проясняет их суть, сколько отмечает трудности в самовыражении из-за несоответствия доступных средств символизации складывающимся практикам семейного поведения, отсутствия целостной репрезентативной структуры для отображения современных семейных отношений.

4. В публичных выступлениях педагогов и журналистов уестствие внешних для агентов общественного воспитания феноменов "родительства", "материнства" или "родства" риторически достигается за счет отделения и противоположения того, что подрывает целостность и непротиворечивость даваемых им определений. То, что не совпадает с существующим или желаемым пониманием семьи, изолируется институциональными

средствами, как это происходит с воспитанниками интерната, или дискурсивными. Как следствие такая топографическая модель семейных отношений оказывается символически недоступной тем, кому она адресована, - молодым людям, воспитанным в среде, где изначально отсутствуют подобные символические и практические границы.

5. Обычные для семейных историй приемы изложения, помогающие рассказчику обнаруживать и организовывать свое Я в повествовательно выстраиваемом "внутреннем" и "окружающем" мире, недоступны воспитанникам общественных учреждений. Приемы пространственной символизации "общего" и "личного" опыта основываются на механизме проективной идентификации, отмечающего попытки личности преодолеть ситуацию актуальной недоступности общения со значимыми другими. Механизмы идеализации и проекции, задействуемые воспитанниками в структурно схожих с научными и институциональными попытками определить себя и свое социальное положение через локализацию в пространстве, отражают актуальную для развития личности проблему поиска таких форм общения и поведения, которые могли бы заместить собой отсутствующий социальный - семейный - опыт и восстановить его недоступное значение для складывающейся в преимущественно институциональном окружении личной биографии.

6. Риторика самостоятельности и личной независимости в рассказах воспитанников, жизнь которых в значительной степени определяется исключительно внешними установлениями воспитательных учреждений, помогает психологически справляться с проблемой самоопределения, но в то же время является реальным препятствием для принятия еще недоступных форм отношений и общения, являющихся необходимым условием освоения новых ролей и способов индивидуального поведения в обществе. Такой отказ для воспитанников оказался вынужденно преждевременным из-за идентификационных механизмов, активированных в ситуации раннего и продолжительного воздействия среды общественных учреждений, что сформировало структуру личности, которая в обычной ситуации проявляет себя на более поздних этапах социализации. Обращение воспитанников к известным по прошлому, зачастую "детским" способам общения и самовыражения, вызвано не только доступностью отношений, на которых такая деятельность строится; следование этим отношениям является попыткой вернуть их недоступные в нынешней ситуации смысл и значение, которые традиционно усваиваются в семейном кругу.

7. Предоставляемые наставниками формы общения и поведения отражают в себе уже знакомые воспитанникам усвоенные ими в интернатах и детдомах способы и приемы идентификации. В ситуации так называемой травматической прогрессии институционализация в среде воспитанников неофициальных практик письма и обмена, являясь симптомом названных проблем, в то же время выражает актуальное стремление личности установить отношения, в своем видимом проявлении замещающие, по сути, семейные формы общения. Это своего рода неформальные институты самосоциализации, участие в которых позволяет воспитанникам строить общение и свое Я в нем таким образом, чтобы преодолевать символические и практические границы, установленные средой общественного воспитания.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью применения подхода и результатов в изучении общественного положения социально уязвимых групп, в том числе индивидуальных и групповых способов преодоления их членами исключения, а также для анализа мер социальной политики, направленных на его сглаживание и предотвращение. В научно-методическом плане практическая значимость результатов исследования определяется возможностями, которые дает адаптация к анализу формирования личности концептуального и категориального аппарата смежных областей гуманитарного знания в ситуации, когда собственный познавательный и объяснительный потенциал традиционной социологии ограничен в своих понятиях и методах таким образом, что перекрывает доступ к пониманию социально уязвимых, маргинализируемых ситуаций.

Выводы, полученные в результате исследования, оказались полезны в ходе экспертной оценки социального положения учащихся-сирот в учреждениях начального профессионального образования региона и подготовки по ее итогам аналитического отчета для управления начальным прообразованием краевого комитета по образованию, разработки концепции программы развития педагогических кадров учреждений для работы с учащимися с особыми образовательными потребностями, информационно-аналитического сопровождения законотворческой практики региональных органов власти.

Материалы, полученные в результате исследования, использованы в профессиональной подготовке студентов-социологов, могут быть применены в подготовке курсов "Социология личности", "Социология знания", "Социология образования", "Психология культуры".

Апробация работы. Основные положения и результаты, изложенные в диссертации, докладывались на методологических семинарах аспирантов, заседаниях кафедры психологии, кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий социологического факультета Алтайского госуниверситета (1998 -2004), международных и российских конференциях и семинарах "Современные коммуникативные системы: человек и общество в поисках смыслов" (Горный Алтай, 1999), "Социальная работа, социальная политика и права человека: образование, исследования, практика" (Саратов, 2001), "Социальные исследования образования в России" (Санкт-Петербург, 2001), "Детство как культурный перекресток: на пути к самотождественности" (Екатеринбург, 2003).

Публикации. По теме диссертации опубликовано три статьи общим объемом 3,75 п. л.

Структура работы. Диссертация включает введение, три главы (семь параграфов), заключение, библиографический список, приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, характеризуется степень разработанности проблемы в современной социологии, определяются объект, предмет, цель, задачи, достоверность и обоснованность исследования, его методологические основы, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации.

Существует три способа функционирования любого знания. Практика воспитания ребенка в семье как деятельность, направленная на формирование личности, отражается, с одной стороны, в форме ее рационализации, объяснения группового и индивидуального опыта, с другой - в способах трансляции, с третьей - в виде методов и технологий, т.е. способов конкретного использования. В структуре диссертационной работы формирование личности представлено во всех трех аспектах существования знания о нем.

Первая глава "Личность как объект социологического анализа" включает два параграфа, в которых социологически теоретизируется личность как результат семейных отношений. Рассматривая условия и способы формирования гносеологических оснований этого знания в отечественных версиях ролевой и системной социологии, обсуждается, каким образом и в каких границах ключевые категории анализа, выработанные ими, могут быть использованы в качестве теоретико-методологической базы для описания и интерпретации процесса и результата формирования личности с учетом ограниченных предметом исследования воспитательных условий. Прослеживаются основания концептов и понятий, которые оказались вовлечены в круг нынешних исследований на правах господствующих в социологии. Интерес представляла не столько "история вопроса", сколько способы его постановки: проблематизируются доминирующие способы формирования представлений, лежащих в основе социологических построений отношений личности с семьей и обществом. Тезис, который диссертант отстаивает в этой главе, состоит в том, что те трудности и ограничения, которые сложились в изучении личности средствами доминирующего в социологии структурно-функционального подхода, в значительной степени если и не порождены им самим, то, по крайней мере, он поддерживает устойчивость их воспроизведения.

В первом параграфе "Социология социализации личности: эпистемология ролевой теории личности" рассматриваются особенности проблематизации личности и семейных отношений ролевой теорией (И. Кон) в ее ключевых категориях и прослеживаются условия, способствовавшие институциализации данной методологической традиции в отечественных исследованиях. Отмечена тесная генетическая связь ролевой теории с обыденными представлениями, предопределившими выделение ключевых понятий на основе дихотомии "внутреннее - внешнее" и ее проекции. Показано, что эти понятия описывают частный случай социализации, исключающий опыт ранних отношений ребенка. Диссертант доказывает, что структурно-функциональный подход, сведя изначально взгляд на отношения личности к взаимосвязи социальных позиций в структуре общества, т.е. исключив динамический аспект отношений (В. Техэ) и сталкиваясь затем с необходимостью объяснять индивидуальные различия и несовпадения в рамках одних и тех же ролей, вынужден каждый раз проводить новые разграничения и ссылаться на возникающие на их основе аналитические новообразования как причину или условие личностных изменений. Возвращение отечественной социологии социализации личности ее идеологического контекста, определяемого общественно-политической обстановкой советского общества 1960-х, обнаруживает, что нормативный характер структурно-функциональных категорий и понятий помогал использовать их не столько как инструмент анализа конкретного, реально существующего объекта социологии

ческого исследования - отношений личности и общества, сколько как образ, раскрывающий видение их потенциального желаемого развития. Однако решающее значение идеологического эффекта, производимого социологической риторикой "независимости индивида", "самостоятельности личности", оказалось для научного производства забытым условием, обеспечивающим сегодня циркуляцию структурного функционализма в социологических текстах.

Во втором параграфе "**Социология диспозиции личности: эпистемология системной версии теории личности**" автор определяет, что, несмотря на критику ролевого подхода системным, который занял доминирующее положение в социологической теории в 1970–1980-х гг., логика построения личности обоих хорошо согласуется: ключевые понятия диспозиционной теории личности (В. Ядов) основываются на противопоставлении "социального" и "индивидуального" как "внешнего" и "внутреннего". Хотя социологическая концепция "диспозиции" призвана была преодолеть ограничения ролевой теории личности и разрешить обострившиеся противоречия структурного функционализма, но результаты системного анализа из-за сходных посылок развивали его.

Описание отношений личности и общества как элементов системы, относящихся друг к другу как часть и целое, последовательно раскрывается через структурные метафоры, которые задействуют процедуру риторического исключения (Л. Выготский), основанную на механизме идеализации. Вопреки тому, что личность постулируется как производная от "объективных общественных условий", идеализация открывает за собой допущение, что они подчинены тому, относительно чего идеализируются: параметры "общества" как аналитического объекта указывают на то, что он зависит от предъявляемых к нему требований, т.е. его идеальные свойства являются производными от "личности" (С. Рубинштейн). Диссертантом доказывается, что идеализация как механизм выражения отношений личности и общества находит себе место в ситуации, когда их собственный статус относительно друг друга остается неустойчивым и непроясненным.

Объяснение трудностей системного анализа личности гносеологическими причинами дополнено в диссертации связанными с ними институциональными, корпоративными. Первая определяется статусом таких категорий анализа, как "личность", "идентичность" или "субъект", историей их утверждения внутри дискурса социальной науки, оформленвшейся в западном обществе "модерна" (Е. Трубина). Вторая причина вызвана условиями циркуляции этого категориального аппарата в отечественной социологии, связанными с ее положением в обществе и отношениями с властью (А. Бикбов, С. Гавриленко). "Личность", ее "роль" и "диспозиция" определялись таким образом, что противополагали друг другу человека и общество, отрицая тем самым их генетическую общность, однородность, что является также и симптомом, отмечающим характер восприятия учеными собственного статуса. Стремление, по выражению Дж. Батлер, "топографически стабилизировать" "внутренней мир" человека относительно "внешней среды" в конечном счете отмечает, что анализ конституирован интеллектуальной позицией, которая не признает невозможность ее общественно-политической автономности. Настойчивая артикуляция необходимости личностной неза-

висимости оправдывалась стремлением идеологически подорвать отношение советского политического режима к человеку как к подавляемому "винтику государственной машины", но одновременно затеняла зависимое, маргинальное положение самой социологии, стремясь опровергнуть ее легитимацию и институциональное оформление преимущественно отрицаемой действующей властью. Наконец, третья причина связана с эвристическим потенциалом доминирующего в социологии личности топографического дискурса: внимание к тому, как все меняется "вокруг", - что происходит с обществом, структурами, функциями и как человек адаптируется к этим переменам, - отвлекает от того, как эти изменения воспринимаются самим человеком, как в процессе их осмыслиения он меняется сам, каким образом он "подключает" эти изменения к существующим у него объяснениям себя и мира, в котором он живет (Е. Ярская-Смирнова, Н. Козлова). Многочисленные описания, например, "ролевого поведения родителей" или "девиантного поведения подростков" представляют личность как приспособливающуюся к институциональным моделям, но о том, как, например, происходит отказ от приспособления, и о том, какие институции обеспечивают человека соответствующими средствами (П. Щедровицкий), они умалчивают.

В заключение главы диссертант выделяет ключевое противоречие сложившейся аналитической традиции: доминирующие в социологических исследованиях в течение почти полувека теории личности исходили из очевидного разрыва между потребностями и возможностями личности и тем, как они воплощаются в роли, реализуются в деятельности, что полагалось специфической проблемой общественных отношений советского строя. Однако вполне предсказуемое стремление теоретически и практически преодолеть актуальные общественные противоречия существенно ограничило те познавательные возможности, которые открывались самой констатацией этого разрыва, что в итоге не смогло привести к тому, чтобы поставить вопрос о том, какие формы - символические и практические - получает этот разрыв и каким образом в своих индивидуальных практиках личность преодолевает его. Автором отмечены современные исследования, выполненные в рамках подходов к формированию личности, которые отличаются от структурно-функциональных прочтений тем, что им в той или иной степени удается избегать указанного ограничения. Эти подходы используют, в частности, идеи и аппарат теорий социального поля, социального конструкционизма, постструктурализма или феминизма и также могут использовать пространственную метафору, но акцентирует иные ее аспекты для характеристики личности и ее отношений.

Вторая глава "Личность в семейной идеологии агентов общественного воспитания" включает два параграфа, которые демонстрируют характер и итоги передачи и распространения агентами общественного воспитания знаний о семейных отношениях. Опираясь на идеи П. Бурдье и М. Фуко, концептуально автор рассматривает противостояние СМИ и педагогики как проекцию истории их отношений в обществе, а формы и приемы презентации семьи, которые действуют этими агентами, - не только как выражающие характер этих отношений, но и как ресурс политических, властных отношений (Р. Зидер). Участие внешних для этих агентов феноменов "родительства", "материнства" или "родства" риторически дос-

тигается за счет отделения и противоположения того, что подрывает целостность и непротиворечивость даваемых им в текстах педагогов и журналистов определений. Так, то, что не совпадает с существующим или желаемым пониманием семьи, изолируется институциональными средствами, как это происходит с воспитанниками интерната, или дискурсивными, смешающими содержательные акценты в модели семьи.

В главе преследуется цель доказать, что стремление специализированных СМИ и традиционной педагогики в презентации роли семьи для человека опираться на пространственные разграничения является не только во многом неизбежным при использовании метафоры, которая выстроена через показательные аспекты знака (Р. Барт). В отличие от весьма распространенного мнения, утверждающего, что в современной России реинституционализация образования и СМИ завершена, автор считает, что их противостояние в поле современной российской семейной идеологии, в которой отражено стремление риторически зафиксировать, четко локализовать позиции человека, семьи и общества друг относительно друга, преломляет проблему определения семейной прессой и традиционной педагогикой собственного статуса в обществе, проблему той роли, которую они играют, могут и должны играть в жизни человека и семьи.

В первом параграфе "**Модель семейных отношений личности в презентациях специализированной прессы**" автор обсуждает, как семейная пресса сегодня проблематизирует роль семейных отношений в жизни человека. В начале 1990-х гг. и традиционная, и новейшая семейная пресса, несмотря на принципиальные отличия читательских аудиторий, в своих презентациях семьи базировалась на пространственных метафорах, которые задействуют показательные аспекты процесса означивания и обнаруживают в себе идентификационные механизмы идеализации и расщепления. В параграфе со ссылкой на антропологию визуальной коммуникации И. Гофмана обосновывается, что решение задачи продемонстрировать историческую, экономическую, культурную или идеологическую специфику типов семейного уклада через их географическую локализацию, проекцию вовне свидетельствует о трудностях в самовыражении и указывает на отсутствие целостной презентативной структуры. Акцент отечественной прессы на исторически или географически удаленных семейных историях широко известных персонажей, добившихся публичного успеха, по мнению автора диссертации, не столько проясняет суть лично малознакомых читателям форм брачно-семейного поведения, сколько затеняет несоответствие доступных средств изображения реалиям нынешней российской семьи: семейные коллизии западных или отечественных звезд популярной культуры, при всех очевидных возможностях гламура как изобразительного приема, не просто рискуют оставаться чуждыми значительной части отечественных потребителей; как доказывает структурализм (Ф. де Соссюр), обращение к сторонним внешне привлекательным формам самовыражения отмечает отсутствие целостности и непротиворечивости в восприятии собственного опыта, который бы рассматривался как положительный.

Во втором параграфе "**Семейная идеология в педагогической практике общественного воспитания**" проблематизируются основания представлений о семейных отношениях традиционной педагогики в связи с ее воспитательной практикой. Автор полагает, что одним из результатов

работы семейной идеологии является отношение к группе воспитанников общественных учреждений, находящейся - символически и практически - на периферии пространства семьи. Принципиально, что, несмотря на конкурирующий, а иногда и конфликтный характер отношений СМИ и традиционной педагогики, в котором проявляются их несовпадающие интересы собственной деятельности, общим основанием точек зрения обоих агентов на семью является внеположность их целей и средств в разговоре о ней практикам семейного воспитания и общения.

Рассматривая характер проблематизации отношений семьи и личности в ходе институционализации общественного внесемейного воспитания в 1920-1930-х гг. (А. Макаренко), диссертант преследует цель проследить, каким образом педагогика решала проблему совмещения собственных задач образования с задачами семейного воспитания. На анализе работ основателя и руководителя учреждений общественного воспитания показано, что хотя автор педагогики "трудового коллектива" предполагал, что воспитание должно строиться так, чтобы подопечный мог воспринимать существующие общественные условия и выработать способы действовать в рамках этих условий, воспитательные итоги оказывались соответствующими декларативным требованиям к строителям нового общества, но не совпадали с актуальной общественной практикой: военизированная форма организации воспитательной деятельности и ее трудовой метод давали удовлетворительный результат только внутри колонии, но не смогли сформировать у выпускников навыки самостоятельной, в том числе семейной жизни.

"Коллектив" из средства перевоспитания становится постоянным необходимым условием жизни, повлекшим переформулирование А. Макаренко воспитательных и педагогических основ советского образования и уклада семьи, чтобы они в своей организации воспроизводили колонию. Важным результатом проекции принципов коллективного устройства являлось то, что, в частности, из модели семьи исключались собственные не только воспитательный, но также психологический и социальный смысл и значение. Диссертант предполагает, что педагогический взгляд на семью, сужающий "пространство возможностей" для отношений с ней до объекта контроля и влияния со стороны, связан с особенностями организации деятельности внутри самого колонистского коллектива; характер модели семьи, представленный педагогикой общественного воспитания, таким образом, определяется структурой и формой утверждаемых в ходе собственной деятельности отношений.

Для проверки этого тезиса автор анализирует письменные документы педагогов и материалы бесед с ними и проясняет те основания, исходя из которых определяются условия и границы формирования личности воспитанника, чтобы обсудить, в чем по отношению к ней состоит здравый смысл нынешней педагогики общественного воспитания. Показано, что восприятие наставниками сирот основывается на негативном принципе: "сиротство" определяется через присвоение членам группы в первую очередь отрицательных черт личности и поведения или условий жизни и воспитания, а дискуссии педагогов хотя и отражали очевидный факт зависимости развития человека от условий, в которых оно происходит, всякий раз оставляли открытый вопрос о том, как именно обстоятельства жизни в воспитатель-

ных учреждениях определяют процесс развития ребенка. Логично, что свои воспитательные успехи педагоги связывают не с профессиональными знаниями и умениями, а с поведением и человеческими качествами, приписываемыми обычно матери. В параграфе обосновывается, что в ситуации отсутствия (или отклонения) внешних, внеположных принципов, определяющих складывающиеся в учреждении закрытого типа правила поведения и отношений, восприятие и оценка происходящего становятся крайне затруднительными. Точность и наглядность исполнения установленных правил вытесняют те практические задачи, которые эти правила призваны были помочь решать, а активная письменная деятельность наставников играет в этой ситуации заместительную функцию воспитательных действий, являясь не просто способом запечатления или отражения педагогической ситуации, но и способом ее производства.

В третьей главе "**Механизмы самоидентификации и формирование практик личности в контексте общественного воспитания**" через анализ бесед и личных документов предпринята попытка взглянуть на результат практического использования сложившихся представлений о личности и семье, а также методов воспитания. Даётся ответ на вопрос о том, какие последствия имеет дискурсивная политика и социальная практика социализации, выстроенная через риторическое и социальное разграничения в пространстве, для формирования и проявления индивидуальных практик личности.

В первом параграфе "**Социология личности: логические и методические основания анализа личности в процессе формирования объектных отношений**" проблематизируется формирование личности в ключевых идеях психоаналитической теории (З. Фрейд) и, в частности, концепции объектных отношений (М. Клейн) и обсуждается методический подход социологического анализа через индивидуальные практики языка. Автор отмечает, что объяснительные принципы и категориальный аппарат данной версии психологии позволяют при анализе индивидуального опыта не преодолевать, а продуктивно использовать двойственность природы и статуса его феноменов как происходящих во внутренней реальности человека, существующей в социальном мире, которые никогда целиком не совпадают ни с тем, ни с другим, что как раз и обеспечивает непрерывное развитие и изменение личности человека как его попытки дискурсивно локализовать себя в этом промежуточном пространстве (Д. Винникот). Диссертант далее излагает, как методически структурный анализ устных и письменных материалов позволяет, используя концептуальный аппарат психоаналитических теорий, обнаруживать и описывать механизмы индивидуальных практик личности, которые используются в формировании и выражении опыта подопечных учреждений общественного воспитания. Проводя описание исследовательской ситуации, автор показывает, как и почему используются этнографические методики организации исследования и преимущественно устный способ сбора полевого материала.

Во втором параграфе "**Самоидентификация и проблемы формирования практик личности в личных и семейных историях воспитанников**" исследуются способы структурирования личного и группового опыта, в том числе относимого к "семейному", обнаруженные в устных историях жизни учащихся учреждений общественного воспитания. В их повествованиях условием оценки себя и своей группы "со стороны" является риторическое

перемещение и символическая локализация в пространстве. В работе обосновано, что такая ситуация говорит о том, что группе объективно не хватает позитивных принципов для самодифференциации (М. Месс). Трудности в нарративной организации жизненного опыта, часто вызванные его травматичностью, оборачивают рассказчиков не столько к "лингвистическим", сколько к "семиотическим" способам самовыражения (Ю. Кристева), основанных на механизме проективной идентификации. Такими идентификационными достоинствами располагают, в частности, графическое изображение и мифологическая структура сюжета рассказа. Их композиция позволяет воспитанникам интернатов, не отвергая тяжесть прежних жизненных испытаний, использовать их для того, чтобы иметь возможность представить историю о личной самостоятельности. Однако все варианты самовыражения структурно однообразны своим отношением к другим: система индивидуальных значений, собственная история создается на основе заимствования существующей до нее другой знаковой последовательности, чужого сюжета.

В заключение параграфа, сопоставляя приемы и формы самокатегоризации и презентации себя и группы воспитанниками с различным опытом общественного внесемейного воспитания, диссертант выделяет его ключевую для формирования личности проблему. Она вызвана слишком ранним формированием структуры личности, основанной на усвоении самоконтроля, практик дисциплинированности, режима самообслуживания и - что не менее важно - индивидуальных способов сопротивления им ("преждевременная идентификация с объектом" по Кляйн) Поэтому когда традиционные психология и педагогика отмечают, что у сирот "не было детства", подразумевая в формировании личности пропущенное звено, требующее своего восполнения, в практическом измерении дело обстоит, скорее, обратно: раннее развитие происходило на основе "взрослых" механизмов, а нынешнее компенсаторное устремление некоторых воспитанников, например, к игрушкам или "эгоцентричным" профессиональным ролям - это возврат к "детским" объектам, доступ к которым в свое время был перекрыт. Такой вывод автора опровергает распространенное убеждение о личностном развитии сирот как последовательном движении по нисходящей и утверждает, что источник проблем заключен в отсутствии в адресуемом воспитанникам окружении психологически новых, еще недоступных форм общения и отношений.

Третий параграф "Текст личности: проблемы индивидуальной дифференциации личности в личных документах воспитанников" посвящен одной из таких практик - альбомному письму. В этой части главы обосновывается, как и почему письменное творчество как исключительное в среде воспитанников явление имеет тем не менее для предмета исследования значение, и обсуждается социологический статус письменного творчества "человеческих документов" (Л. Гинзбург) не только как социального института субкультурной, возрастной и полоровой социализации (С. Борисов), но и как индивидуально выработанного способа деятельности личности, с помощью которого она отклоняется от предписанного ей. Анализ личных дневников обнаруживает их как форму творчества, с помощью которой индивид или группа противостоят давлению дисциплинарных практик педагогики и ограничениями социальной сети (М. де Серто).

Проводя структурный анализ рифмованных текстов, автор исследования доказывает, что их создание решает не только традиционные для подросткового общения психологические задачи, в частности, помогает локализовывать источник внутреннего беспокойства. Рифмование в процессе письма важно для автора-воспитанницы общественных учреждений не только своими изобразительными возможностями, сколько формативными. Приватизация авторскими текстами тетрадей стереотипных поэтических знаков и образов оказывается предопределенна и тем, что позволяет в ситуации ограниченного доступа к общему социокультурному опыту иметь возможность не только самовыражаться, сколько проявлять "самость" как таковую; позволяет сделать свою индивидуальность доступной - зритом буквально - самому себе.

Стихи тетрадей важны, скорее, не символическим весом выразительности поэзии, а социальным авторитетом тех, кого относят к поэтам (Р. Барт). У социально слабых нет стратегий власти, но у них есть тактики, позволяющие обращать свое маргинальное положение в преимущество, и альбомное письмо стихов, заключает автор диссертации, - одна из них. Однако, как и любое тактическое преимущество в игре на чужом символическом поле, оно неминуемо несет стратегические упущения. Заимствующая, цитатная манера, проявляемая в стихах тетрадей, демонстрирует ограничение, с которым сталкивается их автор. Каждое новое стихотворение обнаруживает один и тот же способ переработки опыта: механизм проективной идентификации помогает преодолевать зазор между фантазийным, умозрительным и реальным, адаптирует жизненные обстоятельства под существующие представления о них. Но одновременно с этим объем написанного не открывает принципиально новых способов восприятия собственных отношений и условий, в которых они складываются; проекция является и условием, и эффектом ситуации, в которой "Я" принципиально никак не обязано меняться при качественном изменении его "среды обитания", социального контекста.

В **заключении** автором обобщены результаты теоретического и прикладного анализа проблем диссертационного исследования, сформулированы выводы, отмечен эффект работы для научной и социальной практики. В приложении представлены полевые материалы и иллюстрации данных опросов общественного мнения.

Основные результаты работы изложены в следующих публикациях:

Бычков Д. Г. Пространство (без) семьи / Д. Г. Бычков // Семейные узы: модели для сборки : сб. ст. / сост. и ред. С. Ушакин. М.: Новое литер. обозрение, 2004. Кн. 2. С. 103-145 (2,5 п. л.).

Бычков Д. Г. Рубежи семьи: о роли пространства в воспитании детей / Д. Г. Бычков // Мальчики и девочки: реалии социализации : сб. ст. / Редкол. М. А. Литовская, Е. Г. Трубина, О. В. Шабурова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 86-93 (0,95 п. л.).

Бычков Д. Г. Тендерный подход к исследованию трансформаций образовательных стратегий и практик мужчин / Д. Г. Бычков // Социальное образование и развитие региона. 2001. №1/2. С. 144-147 (0,3 п. л.).

Подписано в печать 7.02.2005. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 43.

Типография Алтайского государственного университета:

656049, Барнаул, Димитрова, 66

1593

22 АПР 2005